

УДК 94(47).046

В.Д. Жуков¹

**«Памяти о полоняниках» как источник по истории
государственного выкупа пленных из Крыма (1620–1630-е гг.)**

Выкуп пленных; памяти; Крымское ханство; Иван Фустов; Иван Ломакин; Дмитрий Скуратов; Никита Постников.

В работе рассматривается ранее не привлекавшийся в исследованиях вид документов в составе комплекса делопроизводства Посольского приказа – памяти на выкуп пленных. Показано их место и значение в деятельности московских посольств в Крыму.

В Посольском приказе отложилось значительное количество документов, относящихся к государственному выкупу пленных. Сре-

¹ Жуков Вечеслав Дмитриевич, Российский государственный архив древних актов (РФ, Москва), zhvd@list.ru.

ди них особое место занимают памяти на выкуп пленных, дававшиеся русским посланникам, направлявшимся в Крым. Несмотря на то, что деятельность и делопроизводство Посольского приказа основательно изучены [4; 6; 8; 9; 11], эти документы не находят отражения в историографии. Памяти являлись компонентом государевых наказов посольствам, направлявшимся в Крым, и являются ключевым источником для понимания политики московского правительства в области выкупа пленных – важного элемента дипломатических связей Москвы и Бахчисарая [1; 3]. Государевы указы представлены как в качестве самостоятельных дел, так и в виде составной части внутри документов, посвященных отправлению в Крым московских посольств [4, с. 296]. Периодически в указах можно встретить перечень документов, взятых посланниками при отправлении из Москвы в Крым. В одном из таких перечней мы находим «память о полоняниках»².

Рассмотрим памяти посланникам Скуратову и Постникову³, и посланникам Фустову и Ломакину⁴. Обе они связаны с выкупом сотрудников посольства Бегичева, которое в 1623/1624 г. было послано в Турцию и по дороге оказалось в Крыму, где *«крымские люди по веленью калги Шан Гирея царевича Ивана Бегичева с товарищи побили, а иных людей живых поимали»*⁵. Насилие над московскими посланниками и нарушение дипломатического этикета со стороны крымской стороны были постоянным фоном русско-крымских отношений [11, с. 35]. Причина таких нарушений заключалась в том, что «крымские ханы упорно не признавали равноправие русских государей» [11, с. 16]. Поводом к третированию московских послов чаще всего служили размеры и качество поминок [7, с. 203].

Память Скуратову и Постникову 1625 г. предписывает посланникам *«проведывать... накрепко всякими мерами»*⁶ о судьбе попавших в плен членов посольства Ивана Бегичева. В случае появления информации о каком-либо из указанных в памяти полоняниках, посланники должны были сообщить об этом хану, калге или любому другому крымскому чиновнику с тем, чтобы показать крымцам, каких именно полоняников нужно освободить. Стоит сказать, что «даже находясь в Крыму русские дипломатические представители с трудом могли выяснить действительное местонахождение пленных соотечест-

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1620 г. Стб. 4. Л. 324.

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Стб. 7. Л. 204–207.

⁴ Там же. 1637 г. Стб. 12. Л. 185–189; Там же. 1638 г. Стб. 15. Л. 382–387.

⁵ Там же. 1625 г. Стб. 7. Л. 204.

⁶ Там же.

венников» [10, с. 212].

Попытки московской и крымской сторон организовать освобождение пленных без выкупа известны еще с 1474 г., когда был заключен договор о безвозмездном обмене пленниками [10, с. 210]. В дальнейшем эти инициативы были продолжены и отражались в шертных грамотах крымских ханов [5]. Исходя из этого, начальным требованием московской стороны к хану было *«тех пленных людей сыскав им отдать без окупы для того, что они взяты в полон неправдою за царевым утверженьем и мучат живот свои в полону невинно»*⁷, что соответствовало шерти хана Магмет Гирея великому государю от 1623 г. [5, с. 48-49]. Однако в памяти посланникам также оговаривалось что делать, если крымская сторона откажется отдавать невольников без выкупа и потребует деньги. В этом случае следовало решительно напомнить хану и калге о взятых обязательствах:

*«...Царю надобно то исправить, чтоб шертная его грамота была верна и на душе б иво тот грех не лежал, и бедные полоняники безвинно не мучились, и чтоб в том государскои любви помешки не было. И говорить о том накрепко, чтоб тех люди взяты»*⁸.

Между тем, тяжелое психологическое и нередко физическое давление на московских дипломатов со стороны представителей крымской политической элиты, считавших себя прямыми наследниками Золотой орды и отрицавших равноправие русских государей [2; 7, с. 203], порождало опасность, что доводы русских посланников останутся тщетными. Поэтому в памяти посольские дьяки оговаривали случаи, при которых договориться с крымцами о возврате пленных без окупа не удастся:

*«А будет отнюдь уговорить на то не мочно, чтоб отдали без окупы, и им по самой конечной неволе дать за них и окупы из запасные рухледи рублев по пяти и по шти, и по десети, и болиши за человека, чтоб их однолично ис полону свободить»*⁹.

Понимая, что предсказать, как будет складываться ситуация, практически невозможно, дьяки Посольского приказа лишь примерно обозначали возможный интервал цен, допуская и их увеличение и фактически не ограничивая посланников. Главной задачей было выкупить пленного, не смотря на запрашиваемую сумму; после этого следовало высказать ближним людям хана свое неудовольствие:

⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Стб. 7. Л. 204–205.

⁸ Там же. Л. 205–206.

⁹ Там же. Л. 206–207.

«А то ближним людем выговорить, что они то дадут из своих животишников. А то царева и калгина к царскому величеству не любовь, что тех полоняников без окупы отдать не велели»¹⁰.

В итоге выкупленные или освобожденные без окупа пленники отправлялись в Москву либо с вместе с посольством, либо отдельно от него. При этом следовало *«ко государю о том отписать, кого именем выкупят и что дадут окупы или кого отпустят без окупы, чтоб то ведать»¹¹.*

Несмотря на все усилия, даже спустя десять лет поиски в Крыму следов посольства Ивана Бегичева продолжались, что ясно следует из памятей посланникам Ивану Фустову и Ивану Ломакину 1637 и 1638 гг., которые в целом совпадают с памятью 1625 г. Имеется, однако, и важное отличие. Теперь, если *«на то уговорить не мочно, чтоб дали без окупы»*, хозяевам пленников предлагалось, чтобы они их *«везли с собою на розмену или с кем посылали, кому верят. А как будут на розмену и государевы люди племя их тех полонеников окупят»¹².*

Здесь упоминается о посольской «розмене», которая происходила близ города Валуйки на р. Ураеве. Здесь на официальной границе русских владений и Поля, где совершалась перемена приставов у посольств, один раз в год организовывался обмен и выкуп пленных. Если посланникам не удавалось осуществить процедуру выкупа в Крыму, то они договаривались с хозяевами невольников, чтобы их везли на размену, где их выкупят родственники.

Еще одним новшеством, отражающим изменение политики русского правительства в отношении выкупа, стало предписание посланникам заключая договор о выкупной цене за пленного, учитывать его положение в Московском государстве до момента захвата в плен. Причем, в отношении посольства Ивана Бегичева рассматривался только выкуп всех без исключения пленников. Что же касается других полоняников, пришедших со стороны — здесь посланники должны были выбирать. Безусловное обязательство государство берет на себя лишь в отношении служилых людей по отечеству, за которых оно готово было заплатить мерную цену:

«Да и о цене договариватца, что за ково дать окупы, чтоб не по велику и смотря по людем, дать рублев по пяти и по шти, и по десяти, и болиши за человека, чтоб их однолично ис полону свобо-

¹⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1625 г. Стб. 7. Л. 207.

¹¹ Там же.

¹² Там же. 1637 г. Стб. 12. Л. 187.

дить. Да и иных полоняников им в Крыме будет учнут к ним приходить и бить челом о окупу, а люди будет надобные, дворяне или дети боярские, или дворянские жены и дети, и им тако ж говорить, чтоб везли на розмену. А окуп за них будет мерную цену положат»¹³.

Несмотря на то, что московские дипломаты нередко сталкивались с напористостью крымских купцов, которые пытались уговорить их выкупить пленных на месте, в Крыму, в памяти посланникам предписывалось, чтобы имеющиеся у них и без того небольшие деньги, «запасную рухлядь», они берегли как зеницу ока, в тайне, и расходовали их только в крайнем случае:

«А запасная рухлядь, что с ними послано, держать у себя таино, чтоб про нее, оприч их и инои хто, однолично не ведал»¹⁴.

Есть горькая ирония в том, что посольство Фустова и Ломакина, одной из задач которого было вызволить остававшихся в плену членов посольства Бегичева, само стало жертвой насилия, и на следующее десятилетие приоритетной задачей московской дипломатии стало уже освобождение его членов [2, с. 306].

Выкуп пленных непосредственно посольством был редким случаем. Он позволял освободить человека максимально быстро, но зато ставил дело выкупа и даже само посольство под удар: чем больше они везли ценностей, тем сильнее был соблазн их ограбить. Лишь в исключительных случаях правительство шло на это. Кроме членов посольств, известны и случаи выкупа в таком порядке частных лиц, но их немного. Любопытен тот факт, что подобные памяти формировались на основе челобитных родственников пленных. За 1620 г. мы обнаруживаем несколько памятей, где есть ссылки на такие челобитные, но сами челобитные отсутствуют¹⁵. Пожалуй, более показательным документом служит память посланникам Д. Остафьеву и О. Кузовлеву 1636 г., где челобитные сохранились¹⁶. Кроме того, примечательно, что в одной памяти фигурируют представители разных сословий:

«...Били челом г. ц. и в. к. Михаилу Федоровичу всеа Руси князь Сава Горчаков да Семен Корсаков, да ис Переславля Резанского села Мосолова николскои поп Иван. В прошлом де во 141-м году как приходили в Московское государство в украинные города

¹³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1637 г. Стб. 12. Л. 188.

¹⁴ Там же. Л. 189.

¹⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1620 г. Стб. 4. Л. 191–203.

¹⁶ Там же. 1636 г. Стб. 10. Ч. 1. Л. 59–59 об., 60–60 об., 62–63 об., 142–145.

воиною крымские люди и взяли де у них в полон у князя Савы Горчакова в Ярославском уезде дочь Окулину Ильину жену Сюлменева, и ныне де она в Крыме у татар, а просят за ¹⁷него¹⁷ окупу. А у Семена Корсакова взяли дочь девку Настасью со князь Савельевою ж дочерью Горчакова вместе, и ныне де она в Крыме у Маметии мурзы князь Алеива сына Мангитцкого, а просят де за нее окупу ж. А у попа Ивана взяли попадью иво, и ныне де та иво попадьа живет у Маметии аги»¹⁸.

Финансовая составляющая вопроса решалась за счет денег родственников, которые платили их вперед. Малые суммы, выделявшиеся на выкуп в Крыму, обуславливали и малое количество выкупаемых, что четко видно по памятям о полоняниках – как правило, это 1-3 человека. Перед челобитчиками ставилось условие – они должны были возместить казне потраченные на выкуп деньги:

«...А что за них окупу дадут и то указал государь взяти на них, князь Саве и на Семене, и на попе Иване вперед. А на окуп им и иным руским людям, которые сыщутца в Крыму в полону по государеву указу послано с ними пятьсот шестдесят ефимков крестовых, по полтине ефимок. И того денгами двесте восемьдесят рублей да два сорока соболей, один в 65 рублей, а другой в 35 рублей. Всего ефимков и денег на 380 рублей»¹⁹.

Таким образом, памяти о полоняниках являются одним из звеньев системы государственного выкупа пленных. Содержание памятей показывает достаточно широкий спектр полномочий и ответственности со стороны московских посланников. На практике это приводило к тому, что система выкупа была достаточно гибкой – логика указаний великого государя двигала в сторону сговорчивости с крымцами в вопросах окупа полоняников, т.к. главной задачей посланников всегда оставалось освобождение невольников.

Однако выкуп полоняников непосредственно в Крыму был не столь массовым явлением, потому и суммы, выделявшиеся на окуп были не значительны. Это связано со значительным риском, которому подвергалось посольство, отправляясь в Крым, где оно могло подвергнуться ограблению. Гораздо безопаснее было договориться о выкупе на валуйской размене.

Памяти могли предписывать выкуп как большого количества

¹⁷⁻¹⁷ Так в тексте. Следует читать: «нее».

¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1636 г. Стб. 10. Ч. 1. Л. 142.

¹⁹ Там же. Л. 142–143.

пленных, что видно из истории с поисками плененных сотрудников посольства Ивана Бегичева, так и незначительного их числа. Во втором случае памяти формировались на основе челобитных родственников пленных.

Кроме того, в памятях видно, что государство отдает предпочтение в выкупе служилым по отечеству и берет на себя ответственность заплатить за них мерную цену. Однако, как показывают памяти на основе челобитных родственников пленных, это не мешало посольским дьякам писать пленных разных социальных категорий вместе – «полоняничные деньги» декларировались в законодательстве как общая милостыня на выкуп невольников: к этому налогу были причастны не только все податные категории населения России, но нередко и богатые люди, жертвовавшие на выкуп из своих средств. Тем самым, все общество осознавало свою сопричастность к судьбе полоняников, ровно как и самих пленных сближала общая участь.

1. Жуков В.Д. «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-х гг. XVII в.: К истории колонизации южной окраины Московского государства // Вестник РУДН. Серия «История России». 2012. № 4.
2. Жуков В.Д. К вопросу о судьбе посольства Ивана Фустова и Ивана Ломакина в Крым в 1639 г.: «заемные кабалы» рядовых членов посольства и их оплата Московским государством // Русь, Россия: Средневековье, Новое время. М., 2013. Вып. 3.
3. Жуков В.Д. Общая милостыня: Выкуп пленных Московским государством из Крыма в середине XVII в. // Родина. 2014. № 11.
4. Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613-1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Дисс. ... к.и.н. Брянск, 2007.
5. Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и в XVII вв., хранящиеся в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь, 1891.
6. Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
7. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
8. Рогожин Н.М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) М., 1990.
9. Рогожин Н.М. Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003.
10. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию (конец XV – начало XVI в.). М., 2001.
11. Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай: обиход, этикет, церемониал (конец XV – первая половина XVII в.). СПб., 2007.